

Т. В. Татоли

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО ГОСУДАРСТВА» «ДЕЯТЕЛЕЙ 19 МАЯ»: ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Период между двумя мировыми войнами был для многих европейских государств временем политических экспериментов – от крайне правых до левых. Миру предлагались различные варианты преобразования устоявшихся государственных механизмов в соответствии с идеологическими концепциями, лежавшими в основе деятельности тех политических сил, которые брали на себя смелость совершить эти преобразования. Болгария не стала исключением: здесь в межвоенный период сменилось шесть политических режимов, каждый из которых предлагал свой вариант преобразования болгарской государственности. Значительный интерес в этом плане представляет концепция «нового государства», претворявшаяся в жизнь представителями политической группы «Звено» и Военного союза – организаторами и участниками государственного переворота 19 мая 1934 г.

Идеология деятельности политических сил, пришедших к власти 19 мая 1934 г., была обоснована в «Манифесте к болгарскому народу», принятом сразу после переворота. В нем провозглашалось, что правительство будет действовать «во имя гражданского мира и объединения всех сил, рассчитывая на поддержку всего болгарского народа и готовность на любые жертвы перед алтарем отечества». Здесь же обосновывалась необходимость изменений в политической системе, провозглашалось создание надклассового государства и излагалась мысль, что управление этим государством нужно возложить на политическую и интеллектуальную элиту нации. Упоминалось и о необходимости внесения дисциплины в политическую жизнь, и о возможности реформирования капитализма¹. Фактически Манифест намечал уже конкретную программу деятельности правительства, однако не был свободен от значительной доли демагогии (как, впрочем, и большинство программно-политических документов того времени).

Болгарский исследователь В. Мигев выделяет в общей идеологии режима «деятели 19 мая» как основополагающие такие идеи: антикоммунизм, антидемократизм, национализм, этатизм². Последняя идея, предполагавшая активное вмешательство государства в жизнь общества, утверждалась особенно активно, поскольку была стержнем идеологии группы «Звено», представители которой стали ведущей силой переворота 19 мая 1934 г. Новое государство, создаваемое участниками переворота, представлялось панацеей от всех социальных недугов в соответствии с интересами всех слоев. Возможности нового государства определялись тем, что оно было элитарным (управлялось элитой нации), авторитетным (во главе всех сфер стояли компетентные, авторитетные личности), корпоративным (политическая власть в нем принадлежала организациям сословий)³.

Деятели 19 мая составили амбициозную программу осуществления важных реформ во всех областях государственной и общественной жизни. В определенной степени они использовали опыт тоталитарных государств, но в основном преобладала специфика, связанная с особенностями Болгарии.

В рамках построения «нового государства» указом от 19 мая 1934 г. было приостановлено действие Тырновской конституции и распущено Народное собрание.

В дальнейшем предполагалось создание семи сословных организаций, из которых и будет формироваться меньший по составу парламент. Эта идея явно была заимствована от корпоративности итальянских фашистов.

Законность своих действий правительство основывало на главе 47 Конституции, согласно которой «если государству будет угрожать какая-то внешняя или внутренняя опасность, то Министерский совет ... может издавать декреты и делать распоряжения, которые имеют обязательную силу закона»⁴. И с 19 мая 1934 г. по 9 сентября 1944 г. все болгарские правительства в определенной степени опирались на это положение. Однако очень трудно было доказать, что они действовали в условиях внешней или внутренней опасности. И злоупотребление главой 47 свидетельствует о нарушении правительствами принципа законности даже в тогдашнем его понимании.

С целью усиления собственной власти правительство издает 25 мая 1934 г. декрет (отныне все преобразования в государстве будут осуществляться с помощью таких декретов), в котором закрепляет за собой законодательную функцию: «Все постановления Министерского совета, принятые в течение и после 19 мая 1934 г., имеют силу закона и отменяют законные распоряжения, которые им противоречат. Изданные в это же время распоряжения министров о назначении должностных лиц или по организационным, административным и финансовым вопросам имеют обязательную силу и не могут не исполняться под предлогом, что они несообразны с законом или ему противоречат»⁵.

Усиление исполнительной власти сопровождалось изменением структуры и функций ее органов. Уменьшается число министерств (до восьми) и одновременно создается два новых – Министерство народного хозяйства (путем слияния Министерства торговли, промышленности и труда и Министерства земледелия и государственного имущества) и Министерство сообщений (в результате слияния Министерства общественных сооружений, дорог и благоустройства и Министерства железных дорог, почт и телеграфов). Был создан и абсолютно новый центральный институт – Дирекция общественного обновления.

Государственный аппарат в период правления «19-майцев» значительно бюрократизируется, что находилось в полном противоречии с декларируемыми ими идеями о «новом государстве». Резко возросла роль министров, начальников отделов, управлений, дирекций в министерствах. Огромное значение приобретают эксперты-специалисты, работающие в отдельных центральных ведомствах. Чиновник-бюрократ постепенно повышает свою самооценку. Все проблемы государственной и хозяйственной жизни он решает удивительно легко, и постепенно у него создается убеждение, что можно управлять самостоятельно, без политической компетентности государственного и политического деятеля старого типа⁶.

Следует оговорить, что руководящее звено Военного союза – Центральное управление – несмотря на то, что не имело официального статуса в государственном аппарате, все же играло значительную роль в первые месяцы после переворота. Многие вопросы текущей политики предварительно рассматривались в Центральном управлении, а затем Министерскому совету предлагались рекомендации по их решению. Одновременно произошел переход значительной части старших офицеров на гражданскую службу с сохранением их постов в армии. Эти факты позволили впоследствии советским и болгарским историкам социалистического периода определять сущность режима «19-майцев» как «военно-фашистскую диктатуру».

Под лозунгом борьбы с анархией, некомпетентностью и неэффективностью деятельности государственного аппарата режим провел его чистку. За достаточно короткое время было уволено более 6000 чиновников⁷. Причем, как правило, увольнения проис-

ходили по политическим мотивам (из госаппарата изгонялись в основном представители БЗНС «Врабча 1» и БРСДП), поскольку очень часто назначенные на освободившиеся места не были более компетентными или способными. Больше всего от чистки пострадали кадры общинского управления, а также администрация и полиция.

Новые власти значительно увеличили роль последней. До переворота полиция была в значительной степени связана с общей администрацией на местах – ее подразделениями руководили окружные и околийские управители. После 19 мая не было проведено полной реорганизации полиции, но была увеличена ее самостоятельность. Дирекция полиции обособилась и усилила контроль над областными и околийскими отделениями. Был усилен полицейский контроль над всеми формами общественной жизни, введено активное внедрение агентуры в общество. Начала проводиться адресная регистрация по месту жительства, что также облегчало полицейский контроль⁸. Создавался новый отдел – политической полиции, чья деятельность была связана с применением декрета о роспуске партийно-политических организаций.

Одна из первых реформ новой власти – реформа местного самоуправления, посредством которой был нанесен сильный удар по самой массовой и традиционной форме демократии болгарского народа, от которого страна так и не оправилась до 1944 года.

Больше всего была затронута сельская община. В соответствии с декретом о сельских общинах от 3 августа 1934 г. произошла перегруппировка общин, в результате чего из 2600 сельских общин осталось 837. Многие из них оказались отдаленными от центрального населенного пункта, и это создавало трудности для людей⁹. Был изменен реальный статус общины: из самоуправляющегося организма она превратилась в обычный винтик единой централизованной системы управления, поскольку общинский совет по сути превращался в совещательный орган при кмете, а кметы теперь становились назначаемыми и подчинялись центральной администрации. В качестве обязательного требования к ним ставилось наличие высшего гражданского или военного образования. В результате посты сельских кметов нередко стали занимать люди, чуждые селу, не знавшие его проблем.

20 августа 1934 г. был принят декрет о городских общинах, закрепивший те же принципы организации местной власти: «Кмет назначается министром внутренних дел и здравоохранения, по представлению соответствующего областного директора. Кмет должен отвечать следующим условиям: иметь высшее образование или закончить военное училище с правом на офицерский чин; достигнуть 28 лет; отвечать всем иным условиям, предусмотренным в законе о государственных служащих»¹⁰. Выборные общинские советы были заменены новыми, куда входили поровну общинские чиновники (кмет, его помощник, директор гимназии, областной инспектор по земледелию, государственный лесничий и т. д.) и выборные советники. Таким образом, был изменен основной принцип местного самоуправления – выборность, что облегчало централизацию власти.

Реформа предполагала также и создание программы развития общины. Были созданы специальные правила по составлению программы, включавшие огромное количество конкретных мероприятий с целью «улучшить народный быт и поднять материальное благосостояние и гражданское сознание населения»¹¹. Программа предполагала создание системы фондов, имевших централизованный характер, в отличие от существовавших до этого на кооперативном принципе местных общинских фондов. Эта программа также преследовала цель усиления централизации власти.

Той же цели служила и реформа административного устройства. Шестнадцать округов были заменены семью областями – Софийской, Врачанской, Плевенской, Сливенской, Пловдивской, Старозагорской и Бургаской. Области делились на 84 околии.

Назначаемые областные директоры и околийские управители получили широкие полномочия, выполняя не только административные, но и полицейские функции¹². Такая структура государственно-административного устройства оказалась очень удобной для властей и потому просуществовала до сентября 1944 г.

В своей реформаторской деятельности «деятели 19 мая» спекулировали некоторыми объективными факторами. Государственный аппарат Болгарии действительно был неэффективен, не отвечал требованиям современного государства. Значительная часть государственных служащих имела низкий уровень образования и культуры. Распространенными явлениями были коррупция, бюрократизм, нарушение законов. Для государственного аппарата характерной была текучесть кадров, связанная с частой сменой режимов. Значительная связь госаппарата с партийной борьбой и клановостью часто лишала его служащих права на объективную оценку, независимость в принятии решений. Все это подрывало авторитет партийно-парламентарной системы и предопределяло необходимость реформ. Однако создаваемое в результате реформ государственно-политическое устройство сохраняло большинство недостатков старого.

Поскольку одним из основных пороков парламентской демократии «звенари» и Военный союз считали наличие партий как отжившего политического элемента, то уже менее чем через месяц после переворота они приступили к их ликвидации.

14 июня 1934 г. был издан декрет о запрещении партийно-политических организаций. Согласно ст. 1, запрещалось образование и деятельность партий, союзов, движений. Существовавшие организации распускались. Вторая статья закона прекращала выпуск всех партийно-политических печатных изданий. Четвертая – запрещала преобразование разогнанных организаций в какие-либо иные. И, наконец, пятая статья запрещала любые политические собрания¹³. Изданный 1 сентября 1934 г. Закон о защите безопасности государства закреплял запрещение политических партий и организаций. Закон имел явно репрессивный характер. Он предусматривал два состава преступления: по первому из них создание организаций, групп или их отделений, преследующих политические цели, предусматривало наказание тюремным заключением на срок от 5 до 10 лет и штрафом от 50 000 до 500 тыс. левов; второй состав, относящийся к членам таких организаций, предусматривал наказание тюремным заключением до 5 лет и штрафом от 5000 до 50 000 левов¹⁴. Предусматривались меры по чистке государственного аппарата по политическим мотивам¹⁵. Согласно ст. 10 этого закона, всякий, «кто сознательно назначает или держит на службе лиц, о которых известно, что они являются членами запрещенных этим законом организаций, групп или их отделений, приговаривается к тюремному заключению»¹⁶.

Одновременно власти позаботились о ликвидации материальной базы партийно-политических организаций. В июле 1934 г. был принят декрет о переходе в государственную собственность имущества нелегальных организаций, а в декабре – и имущества распущенных партий¹⁷.

Таким образом, организационная жизнь партий была прекращена. Однако партийным лидерам умеренных партий была дана возможность проведения закулисных собраний, за которыми внимательно наблюдали власти. «Деятели 19 мая» не хотели полностью закрывать путь к диалогу с политическими деятелями. Они не исключали возможность приобщить некоторых из них к сотрудничеству с режимом. И лишь в том случае, когда контакты между политиками приобретали антиправительственную направленность, их прерывали, а политиков строго предупреждали, интернировали или даже сажали в тюрьму.

Одновременно с закрытием всех партийных изданий была введена жесткая цензура прессы. Издатели всех существовавших газет и журналов в десятидневный срок

должны были просить у центральной власти разрешение на дальнейший выпуск своих изданий. Если такого разрешения они не просили или не получали, выпуск издания прекращался в 15-дневный срок. Каждый издававший печатное произведение без разрешения наказывался тюремным заключением до трех лет¹⁸. Полиция внимательно следила за соблюдением Закона о печати, принятого 14 июня 1934 г.¹⁹

В соответствии с программой создания «нового государства» место партийно-политических организаций должны были занять профессиональные. На них возлагалась функция примирения отдельных социальных групп, сочетая их интересы с «верховными целями нации»²⁰.

Создание таких организаций регламентировалось законами о профессиональных объединениях государственных служащих от 30 июля 1934 г., о профессиональных организациях от 13 сентября 1934 г. и о рабочих профессиональных организациях от 11 января 1935 г. В этих законах формулировались конкретные задачи профессиональных организаций: выдвигать своих представителей в государственные и общинские учреждения, выступать в качестве государственных органов при проведении хозяйственной и социальной политики, защищать профессиональные и моральные интересы своих членов перед всеми учреждениями, организациями и частными лицами, создавать кассы взаимопомощи и социальные службы для своих членов, заботиться о техническо-профессиональном просвещении и моральном воспитании в национальном духе²¹. Определялись и основные принципы, на которых создавались профессиональные организации: 1. Рабочие и работодатели не могут входить в одну и ту же профессиональную организацию; работники умственного и физического труда не могут состоять в одном и том же территориальном и профессиональном отделении общей организации, даже если они работают на одном предприятии. 2. Государственные и общинские служащие не могут быть членами профессиональной организации рабочих, а должны создавать свои самостоятельные союзы. 3. Иностранцы, живущие менее 5 лет в Болгарии, не могут быть членами болгарских профессиональных организаций, а те, кто живут более 5 лет, могут, но без права избирать и быть избранными²².

В определенной степени используя уже имеющийся пример корпоративного государства в Италии, деятели 19 мая стремились создать специфическую болгарскую систему, отличную от итальянской, что неоднократно подчеркивалось в их официальном издании газете «Зора». Но все же некоторое влияние корпоративного духа имело место, поскольку в парламенте предполагалось совместное участие представителей организаций рабочих и предпринимателей.

Предполагалось создание семи организаций: рабочих, крестьян, ремесленников, торговцев, промышленников, государственных служащих и так называемых «свободных профессий» – врачей, адвокатов, инженеров, архитекторов и т. д. Однако за период пребывания у власти «деятели 19 мая» осуществили свои намерения лишь частично. Они разработали общие принципы профессиональных организаций, создали союзы государственных и общинских служащих, разработали закон об одной из важнейших профессионально-сословных организаций – Болгарском рабочем союзе²³. Правда, впоследствии, уже после установления режима личной власти Бориса III, количество объединений с идейной, хозяйственной, профессиональной, культурно-просветительной, спортивной, религиозной или иной целью достигло 1007²⁴. В целом же идею «звенарей» о профессиональном представительстве в парламенте можно считать провалившейся.

Любой политический режим огромное внимание уделяет идеологическому обоснованию своего функционирования, для чего, как правило, создаются специальные организации, занимающиеся этими вопросами. Режим 19 мая не был исключением.

Менее чем через месяц после переворота был принят декрет о создании подобной организации, получившей название Дирекции общественного обновления. Законы от 9 июня и 16 октября 1934 г. определили задачи этой организации и основные направления ее деятельности. Задачи ее сводились к следующему:

«1. Направлять духовную жизнь страны к единению и обновлению для службы нации и государству.

2. Работать над поднятием престижа нации, следить за духовной жизнью за границей и осведомлять внешний мир о состоянии, развитии и нуждах болгарской материальной и духовной культуры.

3. Содействовать организации граждан в идейно единую общенародную группу.

4. Подготовить и организовать болгарских граждан, гражданок и молодежь в духе новых условий народной и общественной жизни»²⁵.

С этой целью создаваемая организация должна была воспитывать и организовывать болгарских граждан, и особенно молодежь, в духе самоотверженной службы государству и нации; контролировать общественную жизнь, особенно в проявлениях, касающихся обновления; пропагандировать идеи «нового государства»²⁶.

Вначале считалось, что организация будет опираться на административный аппарат. Ее задачи выполняли административные органы. Но постепенно начал создаваться самостоятельный аппарат, состоявший из штатных областных и околийских деятелей и добровольных сотрудников в селах. Как правило, ими становились адвокаты, не обремененные клиентурой, офицеры запаса, деятели бывших правых партий, особенно Народного социального движения А. Цанкова и Демократического стовора; ими двигали в основном карьеристские мотивы. Во главе Дирекции и ее главных отделов в разное время находились очень энергичные и амбициозные руководители: Петко Пенчев, полковник Крум Колев, Петр Попзлатев, Ставри Андреев, Иосиф Робев²⁷.

За короткий период Дирекция развила активную деятельность. Начал выходить официальный орган режима – газета «Новые дни», в которой, как и в огромном количестве издаваемых брошюр, пропагандировались «новые идеи». Контролю были подвергнуты пресса, театры, кино, собрания и лекции. Особое внимание уделялось слухам, при этом нежелательные для режима активно опровергались в официозной прессе. Оказывалось содействие укреплению влияния и авторитета болгарской церкви, для чего всячески затрундилось распространение различных сект и иных религий.

Одним из направлений деятельности Дирекции была организация широкой лекционной пропаганды. В конце октября и в декабре 1934 г. были проведены две большие лекционные кампании: в городах и крупных селах прочитаны сотни лекций. При этом были четко распределены роли. Организацией лекций занимался административный аппарат, местные комитеты обеспечивали музыку, плакаты, поддерживающие режим, отвечали за присутствие населения. Полиция должна была предотвращать возможный бойкот этих собраний. И все же, несмотря на такую подготовку, собрания проходили довольно вяло, без энтузиазма. Часто ораторами были случайные люди, смутно знакомые с идеологией режима или читавшие лекции высоким, малопонятным слушателям стилем. В ряде случаев коммунистам удавалось организовать бойкот, но и без этого очень часто лекции встречались ледяным молчанием слушателей.

Еще одной, едва ли не самой важной задачей Дирекции была организация болгарской молодежи и создание единого молодежного союза. В литературе прошлых лет преобладало мнение, что это направление деятельности не завершилось успехом в результате отпора прогрессивных сил. Однако болгарский исследователь В. Мигев считает, что эта неудача объясняется не столько противостоянием ей, сколько инертностью,

непоследовательностью и противоречивостью самого руководства в вопросе формы и характера молодежной организации, замедлявших ее формирование.

В конце июля 1934 г. Дирекция общественного обновления задалась целью объединения всех молодежных организаций – как политических, так и неполитических. Молодежный союз должен был создать свой аппарат в центре и на местах. В рамках общин, околий и областей следовало создать задруги, которые бы осуществляли контроль за деятельностью молодежных организаций и организовывали бы общие мероприятия (преимущественно в сфере идеологической деятельности). Таким образом, создание молодежной организации не было самоцелью, это было необходимо для идеологического воспитания в духе идей режима.

Областные молодежные задруги начали формироваться в августе, однако в сентябре этот процесс на некоторое время был остановлен. Главой Дирекции был назначен полковник К. Колев, выдвинувший свой план создания самостоятельной, единой националистической военизированной молодежной организации. Но к его осуществлению не приступили.

Преемник К. Колева Петр Попзлатев снова поставил в повестку дня вопрос о молодежной организации. В январе 1935 г. издается циркуляр Дирекции, в котором старая идея была сохранена и доработана: при Дирекции создавался аппарат Молодежного союза, который должен был начать интенсивную деятельность по привлечению сотрудников для идеологической работы среди молодежи. Был создан и орган Союза – газета «Пламя». Однако падение режима не дало возможности начать практическую деятельность по формированию союза. Эта задача решена не была.

Таким образом, деятельность Дирекции общественного обновления весьма противоречива. Заняв важное место в системе «режима 19 мая», Дирекция осуществляла политическое и психологическое давление на массы с целью формирования антидемократических настроений. Но результат ее деятельности, с точки зрения режима, был неудовлетворителен. Основная масса болгар так и не была приобщена к его идеям. Более того, усилился процесс отчуждения и изолированности от власти.

Неудачи Дирекции связаны не с ее специфическими ошибками, а с общими идеологическими слабостями режима: доктринерством, отсутствием единой и четко определенной тактики и программы конкретной политической деятельности, непонятностью многих идей для основной массы населения. Эта неудача надолго затормозила стремление к созданию единого центра пропагандистской и идеологической деятельности. И лишь весной 1941 г. была создана Дирекция национальной пропаганды. Но ее функции уже были скромнее и в основном ограничивались контролем за деятельностью идеологических институтов²⁸.

Режим «деятелей 19 мая», как, впрочем, и любой политический режим, функционировавший в Болгарии в период между мировыми войнами, имел немало противников, с которыми власти пытались бороться. Основой для проведения репрессий против несогласных с политикой властей был Закон о защите государства, принятый еще режимом А. Цанкова в 1924 г. Основная редакция закона была сохранена, но был изменен текст ст. 22. Изменения были сделаны таким образом, что возможность апелляции и замены смертной казни другими наказаниями крайне ограничивалась. В результате этот закон превратился в более совершенное юридическое средство осуществления чрезвычайной уголовной репрессии²⁹.

Такие же изменения в уголовном процессуальном праве были закреплены изменениями в Законе об уголовном судопроизводстве и Декретом о защите безопасности государства. Декрет предусматривал ускоренную судебную процедуру: одно лишь

кассационное обжалование без апелляции и одна-единственная мера пресечения – содержание под стражей³⁰. В результате изменений Закона об уголовном судопроизводстве усложнилась процедура отмены приговора о смертной казни: если раньше это делал царь через министра юстиции, то теперь ходатайство министра по этому вопросу должно было основываться на мнении комиссии, состоящей из главного прокурора Верховного кассационного суда, председателя Софийского апелляционного суда и начальника уголовного отдела Министерства юстиции³¹.

Численность жертв политических репрессий режима 19-майцев определить достаточно сложно. В литературе прошлых лет, как правило, говорилось о «жестоких преследованиях и суровых наказаниях» деятелей рабочего движения и БКП, «волне белого террора», охватившей страну³². Все же можно указать и некоторые конкретные цифры. Так, в ходе дискуссии о характере переворота 19 мая 1934 г., проводимой в 1968 г., историк Н. Недев упоминал о репрессиях против членов коммунистической партии. Согласно его данным, в 1934 г. более 400 коммунистов были осуждены на длительные сроки тюремного заключения. В Хасковском округе были убиты 12 человек, в целом по стране эта цифра составила несколько десятков. В Пловдиве 9 человек были приговорены к смертной казни, около 40 – к длительному тюремному заключению. В Сливене были осуждены 23 человека. «Общее количество арестованных, осужденных и убитых в 1934 г. приближается к верхним границам, характеризующим террористическую расправу с массами»³³.

В ходе этой же дискуссии В. Хаджиниколов в гораздо более общем ключе пишет о массовых арестах солдат, организации больших судебных процессов, на которых в качестве подсудимых выступали десятки военных и гражданских, не называя при этом конкретных цифр³⁴. Однако, судя по данным Д. Даскалова, репрессии против военных проводились в 1935 г. (в частности, процесс в Стара Загоре над 115 военными), т. е. уже либо в процессе, либо после отстранения деятелей 19 мая от власти³⁵.

Безусловно, репрессии в правление 19-майцев имели место, и направлены они были прежде всего против членов компартии. ЦК БКП после переворота 19 мая сделал ошибочный вывод, что страна вступила в стадию кризиса и революционной ситуации, и задача коммунистов – свержение «военно-фашистской диктатуры». Соответственно, активизировалась деятельность нелегальных коммунистических организаций в различных районах страны, и, как следствие, усилились репрессии против коммунистов. Например, в Стара Загоре с мая по август 1934 г. было арестовано 110 и отдано под суд 48 человек³⁶. В сентябре 1934 г. в Пловдиве прошел судебный процесс над 130 подсудимыми, в Хасково – над 40³⁷. Однако их уровень был несравним с террором, последовавшим за июньским переворотом 1923 г. В репрессивных действиях болгарских властей в 1934–1935 гг. явно прослеживается попытка авторитарной власти защитить себя силой, ибо иные способы в обстановке политического и классового противостояния были просто неэффективными и поэтому могли использоваться лишь как вспомогательные.

Режим, установившийся в результате переворота 19 мая, оказался недолговечным. И причин этому несколько. Первоначально среднестатистический болгарин встретил переворот и первые шаги нового режима с апатией, иногда с вялой симпатией. Женщины в большей степени симпатизировали режиму, поскольку он вернул им мужей, ранее много времени проводивших по трактирам (трактиры в то время были чем-то вроде клубов, где рассуждали о политике, а новый жесткий режим отнял немало тем для обсуждения у их политиканствующих завсегдатаев). Немало интеллигентов встретили переворот с надеждой, что он откроет путь компетентности и профессионализму в жизни страны. Однако дальнейшие шаги новой власти не оправдали надежд, возлагавшихся на нее.

Деятелей 19 мая подвело то, что они знали, от чего отказаться, но что и как создать взамен – по этому вопросу в их рядах существовали серьезные разногласия и противоречия. И когда от ликвидации того или иного элемента старой государственной машины и провозглашения амбициозных теорий государственного переустройства пришлось перейти к созидательной политике, результат оказался более чем скромным: улучшение международного положения Болгарии и некоторые достаточно спорные хозяйственные и экономические нововведения. Значительной социальной и политической опоры режим не получил.

Существовали разногласия и среди самих «19-майцев» – между «звенарями» и членами Военного союза. Один из вопросов, вызывавших расхождения между ними, – характер и темпы создания новой государственно-политической системы. Накануне переворота сложилось две группы, отстаивавшие различные точки зрения. Одна из них – «ортодоксальные авторитаристы». В нее входили в основном деятели «Звена», а также ряд членов Военного союза (К. Георгиев, Д. Велчев, П. Тодоров, И. Харизанов, П. Попзлатев, П. Пенчев и др.). Они считали необходимым провести коренную перестройку системы власти. Вторая группа – «традиционалисты» – в основном состояла из военных, среди которых были председатель Военного союза и военный министр генерал П. Златев и начальник штаба Союза полковник К. Колев. По их мнению, в процессе преобразований должны были учитываться традиции политической жизни Болгарии и опыт правления Демократического сговора; соответственно, должна сохраниться партийно-политическая опора власти, некоторые элементы парламентской системы и, конечно, руководящая роль монарха.

После переворота между этими группами на определенное время было установлено единство, но уже к августу 1934 г. противоречия обострились. И одним из вопросов, вызывавших наибольшие споры, был вопрос об отношении к монарху. «Ортодоксальные авторитаристы» не признавали руководящей роли монарха, пытались ограничить культ царя в прессе. Цензура всячески препятствовала публикации статей, занимавшихся пропагандой личности царя. В правительственной газете «Новые дни» даже была напечатана статья «Царь и нынешний режим», критиковавшая поведение некоторых политических деятелей, которые «унизительно раболепствуют перед царем, «поднимая его как единственного кумира». В противовес им газета заявляла, что у «творцов 19 мая» лишь один кумир – «это Болгария»³⁸.

Многие деятели «Звена» и Военного союза были не только антимонархистами, но и «борисофобами», поскольку испытывали личную неприязнь к царю Борису III. Они обвиняли его в том, что он является одной из главных причин политического кризиса, поскольку поддерживает и поощряет разложение в партиях, проявляет пассивность в отношении ВМРО, создает предпосылки для усиления собственной власти. Среди офицеров существовало опасение, что Борис III не сделает правильных выводов из негативного опыта своего отца Фердинанда, личный режим которого привел страну к двум национальным катастрофам. Поэтому лучшим для государства выходом будет сведение роли болгарского царя до положения английского монарха, который царствовал, но не правил. Однако немало офицеров продолжали оставаться убежденными монархистами, и конфликт по этому вопросу стал одной из причин «скоропостижной смерти» режима.

В начале своего правления «19-майцы» не пытались конфликтовать с царем и даже старались установить хорошие отношения с ним. Сам же Борис также не желал конфликтов, поэтому он отказался от возможности возглавить силы, настроенные против режима. Основной его заботой в этот момент было сохранить свою популярность, отсюда – пассивность в отношении антимонархических деятелей режима. В тот период

свои частные письма Борис III подписывал «Терпениев», как бы подчеркивая мысль, что время работает на него. И действительно, таким поведением он стимулировал рост промонархических настроений в обществе.

В августе-сентябре 1934 г. отношения между «19-майцами» и дворцом обострились, но не они стали главным звеном противоречий политической жизни, а внутривнутриполитическая борьба в Военном союзе. И серьезной причиной этой борьбы опять-таки были расхождения во взглядах на отношения с монархом.

Вначале традиционалисты и авторитаристы находились в некотором равновесии, однако постепенно первые, воспользовавшись поддержкой значительных промонархических сил (а средний болгарин традиционно был монархистом по своим взглядам), перешли в наступление. Царь продолжал демонстрировать пассивность. Но традиционалисты, в частности, монархическое их крыло, воспользовались для нанесения удара по своим противникам слухами, распространявшимися в болгарском обществе. Согласно им, Д. Велчев готовил антимонархический переворот и якобы уже была разработана республиканская конституция. Источники были очень разноречивы. В одном случае речь шла о новой конституции, в другом – о создании Государственного совета или Государственного секретариата с очень широкими полномочиями, во главе которого и будет находиться Д. Велчев; в третьем – об изменении полномочий премьер-министра. Говорили даже и об образовании регентства³⁹. Во всех случаях речь шла об усилении исполнительной власти и ограничении возможности царя воздействовать на нее.

Под предлогом обеспокоенности этими слухами монархисты из группы «традиционалистов», в основном представлявшие Военный союз, поставили вопрос о реорганизации кабинета министров. Вопрос рассматривался на заседании Центрального управления союза на квартире у полковника Найденова 21 января 1935 г. На этом заседании присутствовали П. Златев, Д. Велчев, К. Колев, Тановски, Календаров, Стоянов, был приглашен и К. Георгиев как премьер-министр. За исключением Д. Велчева, все присутствовавшие члены Союза выступили за отставку К. Георгиева и замену его П. Златевым. В тот момент Георгиев не согласился с этим решением, но уже на следующий день, видя, что представители Военного союза готовы использовать приведенные в боевую готовность воинские части, вынужден был подать царю прошение об отставке кабинета министров. Одновременно с ним П. Златев подал царю указ об образовании нового правительства⁴⁰.

Таким образом, идея создания «нового государства», предложенная «деятелями 19 мая», в практической плоскости не была доведена до завершения. Очередной политической эксперимент на болгарской почве оказался не очень успешным в плане коренной ломки старого механизма. Что же касается столь присущей политической практике Болгарии межвоенного периода тенденции усиления исполнительной власти, то в этом плане результат был налицо: страна поднялась на более высокую ступень развития авторитаризма.

¹ Байков, Б. Политическата система на буржоазното общество в България в процеса на нейната фашизация (1934–1939). – Исторически преглед, 1987, № 6, с. 14.

² Мигев, В. Утвърждаване на монархо-фашистката диктатура в България – 1934–1936 г. С., БАН, 1977, с. 47.

³ Влайков, М. Възпитанието в новата държава. С., 1935, с. 17.

⁴ История на България: през погледа на историците. С., Изд. къща „Христо Ботев“, 1993, с. 647.

⁵ Наредба-закон от 25.05.1934 г. – В: Милкова, Ф. История на българската буржоазна държава и право през периода 1918–1944. С., 1973, приложение, с. 73.

- ⁶ См.: *Каракунев, Ц.* Кметът в новата община. С., 1934.
- ⁷ История на България: през погледа на историците..., с. 649.
- ⁸ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 59.
- ⁹ Там же, с. 55; Управление на творчество и дела. С., 1937, с.72.
- ¹⁰ Наредба-закон за градските общини. – В: *Милкова, Ф.* История на Българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 74.
- ¹¹ *Колев, В.* Общинското самоуправление и изпълнителната власт (1879–1939). – В: 120 години изпълнителна власт в България. С., 1999, с. 199.
- ¹² *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година. С., Наука и изкуство, 1976, с.119.
- ¹³ Наредба-закон за разтуряне на партийно-политическите организации. – В: *Милкова, Ф.* История на Българската буржоазна държава и право..., приложение, 75–76.
- ¹⁴ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., с. 135.
- ¹⁵ *Милкова, Ф.* Чрезвычайное законодательство в Болгарии в 1924–1944 гг. – Советское славяноведение, 1971, № 5, с. 27; Наредба-закон за защита безопасността на държавата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., 78-79.
- ¹⁶ Там же, с. 79.
- ¹⁷ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 година..., 133–134.
- ¹⁸ *Рангелов, Р.* Свободата на печата в България. Изследвания върху законодателството 1901–1944 г. С., Изд. къща „Хъски“, 1995, с. 115.
- ¹⁹ Наредба за печата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 78.
- ²⁰ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 52; *Топузанов, С.* Идеология, строеж и задачи на БРС. С., 1939, с. 139.
- ²¹ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г., с. 129.
- ²² *Мигев, В.* Указ. соч., с. 53.
- ²³ *Георгиев, В.* Буржоазни и дребнобуржоазни партии в България. 1935–1939. С., 1971, с. 84.
- ²⁴ *Байков, Б.* Политическата система на буржоазното общество в България в процеса на нейната фашизация (1934–1939). – Исторически преглед, 1987, № 6, с. 15.
- ²⁵ Наредба за обществена обнова. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 77.
- ²⁶ Наредба-закон за Дирекция на обновата. – В: там же, с. 78.
- ²⁷ *Мигев, В.* Указ. соч., с. 49.
- ²⁸ Там же, 50–52.
- ²⁹ *Милкова, Ф.* О некоторых реакционных чрезвычайных законах в период фашистской диктатуры (1924–1944). – Вестник Московского университета, серия „Право“, 1976, № 5, с. 83.
- ³⁰ Наредба-закон за защита безопасността на държавата. – В: *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право..., приложение, с. 79.
- ³¹ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г..., с. 137.
- ³² См., например: *Хаджиниколов, В.* Още за фашизма и неговите особености в България. – Исторически преглед, 1968, № 6, с. 60.
- ³³ Дискусии по някои спорни въпроси от историята на БКП. Характер на 19-майския преврат през 1934 г. – В: Известия на Института по история на БКП. Т. 21. С., 1969, с. 226.
- ³⁴ Там же, с. 251.
- ³⁵ *Даскалов, Д.* Политически убийства в новата история на България. С., 1999, с. 154.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Милкова, Ф.* История на българската буржоазна държава и право през периода 1918– 1944 г..., с. 113.
- ³⁸ Дискусии по някои спорни въпроси..., с. 228.
- ³⁹ История на България: през погледа на историците..., с. 656; *Мигев, В.* Указ. соч., с. 72.
- ⁴⁰ *Недев, Н.* Поглед върху дейността на Военния съюз (Офицерската лига) от основаването му до 9. IX. 1944 г. – Исторически преглед, 1963, № 2, с. 62.